

**Возвратные формы пассива в русском языке:
сложности изучения семантики и употребления
(с точки зрения персидского языка)**

Алияришорехдели Махбубех

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Известно, что в русском языке возвратные формы страдательного залога от глаголов несовершенного вида активно взаимодействуют с различными группами возвратных глаголов, совпадающими с пассивом по форме, что создает трудности при изучении и разграничении данных форм в иностранной аудитории. Дискуссионным этот вопрос является и в российской лингвистике. Наиболее близки по значению пассивным формам возвратные глаголы (а) с пассивно-качественной семантикой и (б) так называемые декаузативы. Речь идет о возвратных глаголах, которые употребляются в предложениях типа: а) *Эти нитки легко **рвутся***; *Крышка **завинчивается** с трудом*; б) *Садитесь, пожалуйста, место **освободилось***; *Зарплата у работников нашей фирмы **увеличивается***.

Многие исследователи отмечают, что основным критерием разграничения конструкций с формами возвратного пассива и названными выше возвратными глаголами является возможность / невозможность включения в конструкцию агентивного дополнения в творительном падеже. Формально подобное включение семантического субъекта в конструкции с пассивно-качественным значением (типа *Эти нитки быстро рвутся*; *Крышка завинчивается с трудом*) является допустимым, но все-таки маловероятным, к тому же при этом происходит существенное изменение в семантике предложений. Поэтому исходная конструкция и преобразованная вряд ли могут рассматриваться как синонимичные [Пупынин 2001:128-129]. Ср. маловероятное предложение: *Крышка завинчивается Алексеем с трудом*, где речь идет уже не о качестве, а о возможности / невозможности совершить действие определенным лицом.

Декаузативные конструкции также не являются открытыми для включения в них агентивного дополнения. Декаузативы – это возвратные глаголы (образованные при помощи возвратной деривации от переходных каузативных глаголов), которые представляют действие как наступающее в силу тех или иных обстоятельств независимо от воли и осознанной деятельности Агенса. Такие глаголы «дают говорящему возможность описывать событие, не только не указывая его внешних причин, но и не подразумевая их наличие; во всяком случае, опуская тривиальные причины» [Падучева 2001: 65]. В приведенные выше предложения (*Садитесь, пожалуйста, место **освободилось***; *Зарплата у работников нашей фирмы **увеличивается***) такое дополнения вряд ли может быть включено. Ср., например: *Зарплата у работников нашей фирмы **увеличивается** (?) администрацией* (при выражении подобных ситуаций в русском языке предпочтение отдается активным конструкциям). Если в русском языке невозможность введения в предложение с возвратным глаголом семантического субъекта в именной форме творительного падежа является показателем «не-пассива», то для персидского пассива эта лингвистическая трансформация не является релевантной.

В персидском языке пассивные конструкции, как правило, являются двучленными, они употребляются тогда, когда субъект действия по разным причинам не должен быть выражен. Если субъект действия указан, то, с точки зрения персидского языка, употреблять пассивные конструкции нет необходимости. Поэтому трехчленные русские страдательные обороты на персидский язык обычно переводятся активными конструкциями действительного залога: *Этот вопрос сейчас изучается комиссией. Komisyon (комиссия) dar hāle hāzer (сейчас) in (этот) masale (вопрос) rā (послелог – показатель прямого дополнения) baresi mikonad (изучает).*

При переводе декаузатива на персидский язык используются как пассивные конструкции, так и активные конструкции с глаголами-связками.

В персидском языке, в отличие от русского языка, есть двузаложные глаголы. К двузаложным относятся такие глаголы, которые могут иметь переходное и непереходное значение [Рубинчик 2001: 236], определяемое по контексту. *Например: goldān (ваза) šekast (разбилась) – Ваза разбилась. Ana (Анна) goldān (ваза) rā (послелог – показатель прямого дополнения) šekast (разбила). – Анна разбила вазу.* Форма глагола в обоих предложениях одна и та же, а значение этой формы, декаузативное или активное, определяет контекст и синтаксическая конструкция.

Для русского языка разграничение двучленного возвратного пассива и смежных с ним по значению возвратных глаголов важно для изучения возможных синтаксических трансформаций, а также с точки зрения употребления видов в данных возвратных конструкциях.

В своем докладе мы хотели бы обратить внимание на важное отличие рассматриваемых качественных и декаузативных конструкций от возвратного пассива: в них, в отличие от пассивных, возможно употребление глаголов СВ. Ср.: *Крышка чемодана с трудом закрывается / закроется; Эти нитки быстро рвутся / порвутся; Зарплата у работников нашей фирмы в этом году увеличивается / увеличится.* Но невозможно: *Этот вопрос изучится (комиссией); *Закон обсудится депутатами верхней палаты парламента.

Как известно, регулярных возвратных пассивных форм глаголов СВ в системе русского страдательного залога нет. Допустимое в некоторых случаях образование возвратной формы совершенного вида, как правило, свидетельствует об изменении семантики глагольной формы, в частности о развитии модально-качественного или декаузативного значения.

Литература

- Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. №1. С.52-79.
Пупынин Ю.А. О качественном пассиве в русском языке // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001. № 6. С. 127-136.
Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.

Вербализованные и невербализованные субъектные зоны в коммуникативной организации простого предложения в русском синтаксисе

Боряева Лариса Михайловна

Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

В докладе рассматриваются средства маркирования субъектной перспективы высказывания в синтаксисе русского языка, анализируется соотношение вербализованных и невербализованных субъектных зон на субъектной оси высказывания.

Согласно «Коммуникативной грамматике русского языка», субъектная перспектива высказывания, или субъектная ось высказывания, определяется соотношением пяти субъектов: S₁– субъект базовой модели (*Брат читает*), S₂– субъект-каузатор (*Мать просит сына приехать*), S₃– субъект-авторизатор (*Ему известно, что брат приехал*), S₄– автор высказывания, S₅– адресат высказывания [Золотова и др.: 232; Онипенко 1994: 77; Онипенко 1985].

Объектом настоящего исследования являются многосубъектные (большой частью каузативные) конструкции и их структурно-семантические модификации. Цель работы – проследить модификации исходной многосубъектной модели в современном

языке, а также выявить соотношение понятий *исходная* и *модифицированная* модель в истории языка.

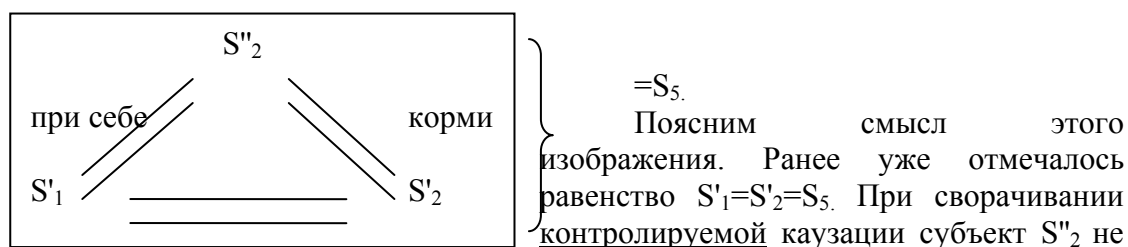
Анализ материала позволяет сделать следующие выводы.

1. Если в современном языке отсутствие вербализации субъектной синтаксемы в зоне диктума можно признать свойством модифицированной модели («Оба субъекта (S_1 и S_2) принадлежат области диктума, и потому нормой для них является вербализованное участие в построении предложений» [Онипенко 1994: 76]), то исторически, напротив, полипропозитивность стремится быть выраженной на оси моносубъектности и монотемпоральности. См., например: новг. берестяная грамота (НБГ) №358:

А кони корми овсом при соби – ‘А коней пусть кормят овсом при тебе’.

‘Сделай так (каузатор'), чтобы когда коней (субъект базовой модели") кормили (каузатор"), то ты (субъект базовой модели') присутствовал’. Наблюдается совпадение трёх субъектов в лице управляющего Нестера, которому даются предписания: $S'_1=S'_2=S_5$.

Добавочный каузатор S''_2 оказывается невербализованным. Анализ языка памятников позволяет сделать общий вывод, подтверждаемый многочисленными примерами: цепочка каузации, как правило, сворачивается до адресата высказывания («Сделай так, чтобы кормили коней при тебе» → «Корми коней при себе»). Синтаксема *при себе* выражает самостоятельную пропозицию ‘в твоём присутствии’. Употребление возвратного местоимения вместо личного подчёркивает «вверный» характер связей (двойные черты передают знак равенства):

просто механически устраняется, но все синтаксические связи оказываются ориентированными на каузируемое действие *кормить*, как если бы это действие совершал сам адресат послания. Отсюда и получается алогичная на первый взгляд фраза: «Сам корми в своём же присутствии». Простым предложением переданы три каузации: говорящий (S_4) каузирует действия адресата (S_5), адресат должен каузировать действия третьего лица (сделать так, чтобы коней кормили), третье лицо также является каузатором (глагол *кормить* – каузативный), причём каузатор-адресат должен не только каузировать, но и контролировать действия третьего лица.

Несмотря на ролевую сложность структуры высказывания, мы наблюдаем формально-синтаксическую простоту выражения мысли за счёт невербализованных субъектных зон. Вопрос о синтаксической компрессии в данном случае остаётся дискуссионным.

Ср. также синкретизм семантических ролей в предложении:

А прокъ ихъ зль отбъгоша... (НЛ, 37). НЛ, – Новг. I летопись, Синодальный список.

Наречие *зль* передаёт комплекс смыслов: 1) вынужденно (результат каузации, подлежащее из агенса трансформируется в пациенс, ср. невозможность **Я зло бегу*), 2) позорно (оценка), 3) будучи в бедственном состоянии, претерпевая лишения. При трактовке семантики наречия *зль* мы не должны забывать о том, что семантическая сложность наречия – явление не только лексикологии, но и синтаксиса.

2. В древнерусском языке при всей неразвитости инвентаря подчинительных союзов, существующих в современном языке, располагающем целым набором

обстоятельственных придаточных, был выработан стабильный синтаксический механизм маркирования соотношения различных субъектов в рамках простого предложения.

<i>И заславъ Захарья въ вѣре</i> урокль (НБГ №724)	А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил.
<i>Убиша ѿ без вины</i> (НЛ, 73)	Убили его, хотя он был без вины
<i>А наѡхаша на товары без вѣсти</i> (НЛ, 87 об.)	А напали на обоз тогда, когда новгородцы были на вече и не знали о нападении

В современном языке представленные модели сохранились только в лексикализованном употреблении. Ср.: *пропал без вести*, но *уехал без вести*, **разорили дом без вести*; *осудили без вины*, но *обидели без вины*, **забыли без вины*.

3. При построении высказывания в древнерусских текстах выбирается и перспектива говорящего, и перспектива адресата. В основе явления совмещённой перспективы лежит особенность древнерусского синтаксиса – монтажность.

Язо тебе, брату своему, приказале про себе [так]о <...> (НБГ №344) – ‘Я тебе, брату своему, приказываю (этим письмом) **в отношении тебя** так...’.

Вывод: сопоставительный анализ многосубъектных моделей в современном языке и памятниках письменности позволяет предположить, что общий вектор эволюции субъектной перспективы высказывания связан с дифференциацией субъектных зон на субъектной оси высказывания, с разграничением и вербализацией субъектов, преодолением синкретичности синтаксических отношений и монтажности синтаксиса. Постепенно вербализованность субъектов диктума становится нормой, а её отсутствие – приметой модификации модели.

Литература

- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. 1994. №3. С.74-83.
 Онипенко Н.К. О субъектной перспективе каузативных конструкций // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С.123-132.

Типовые значения инфинитивных предложений в русском языке

Дастамуз Саиде

Аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Инфинитивным называется односоставное предложение, главный член которого выражен независимым инфинитивом [Розенталь, 2005:332]. Инфинитивные предложения передают широкий круг модальных значений. Опираясь на классификацию В.М. Брицина, можно выделить следующие семантические разновидности инфинитивных предложений:

1. Предложения со значением долженствования (*Мне завтра в Москву ехать*), выражают значение определенного и конкретного долга. Формальной особенностью данных предложений является употребление в них интонационно не выделенных инфинитивов несовершенного вида. В их составе употребляются временные и пространственно-временные детерминанты (*еще, теперь, завтра,...*), предикаты со значением действия, а позиция дательного субъекта заполняется агентивом. Они характеризуются прямым порядком слов, при котором дательный субъекта предшествует инфинитиву.

2. Предложения, обозначающие предопределенность, которые, в свою очередь, делятся на несколько подгрупп. Они могут выражать (а) наличие объективно

существующих предпосылок для реализации ситуации, отраженной в них (*Быть грозе!*), (б) экзистенциальное значение, связанное с употреблением глагола *быть* (*Новым обычаем быть*), (в) нахождение в пространстве в определенном положении (*Быть бычку на веревочке*), (г) сохранение в будущем свойств и проявлений денотатов дательного субъекта (*Совести вечно жить*). В этих предложениях используются бытийные предикаты и в позиция дательного субъекта находится не имя лица, а название животного, растения, предмета, абстрактного понятия. В предложениях предопределенности употребляются инфинитивы несовершенного вида.

3. Инфинитивные предложения предстояния, отличающиеся от предложений предопределенности тем, что позиция дательного субъекта заполнена именем лица (*Молодым возводить страну*). В данных предложениях употребляются глаголы несовершенного вида, причем в предложениях с нереферентным именем используются процессные предикаты (*Советским людям вечной тревогой гореть*), а в предложениях с конкретно-референтным именем – экзистенциальные предикаты (*Ну так и кажется, что быть тебе в раю*).

4. Инфинитивные предложения со значением невозможности, выражающие общее отрицание (*Никуда вам не скрыться от гибели*). Их особенностью является употребление инфинитивов совершенного вида и частицы *не*. В таких предложениях используются все виды предикатов и обычно имеется дательный субъект, хотя в некоторых случаях данная позиция может оставаться незаполненной (*Зимой и вовсе не добраться сюда – снега-то в сажень глубиной, утонешь*).

5. Инфинитивные предложения со значением целесообразности и желательности. Значение целесообразности обычно проявляется в предложениях, образованных инфинитивами обоих видов, без наличия в них дательного субъекта (*За доктором бы послать*). Значение желания чаще всего проявляется при употреблении инфинитивов совершенного вида, выражающих результат действий и процессов (*Ах Саша! Только бы мне выйти в отставку*). Для этих предложений характерны предикаты действия и процесса и особые лексические показатели, такими как *хоть бы, вот бы, лучше бы, если бы*, выражающие желание говорящего; *скорее, поскорее*, являющиеся оттенками нетерпеливого желания; *лишь бы, только бы*, показывающие единственное необходимое для субъекта (*Только бы успеть!*)

6. Побудительные инфинитивные предложения, выражающие, например, приказ (*Молчать!*), самопобуждение (*Теперь ни о чем не думать, спать*), инструкцию (*Перед применением клей тщательно перемещать*), призыв (*Действовать по-олимпийски!*) В утвердительно-императивных образованиях представлены глаголы обоих видов, а в отрицательных – только несовершенного вида. Наиболее частотными в таких предложениях являются предикаты действия, менее частотны предикаты процесса, отношения, состояния, качественной характеристики.

Литература

Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев, 1990.

Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М, 2005.

Аналоги предлога с конфирмативной семантикой в зеркале казахского языка

Доценко Екатерина Алексеевна

Студентка Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Астана, Казахстан

По вопросу о границах между служебными и знаменательными единицами в русском языке существуют различные точки зрения на то, как следует квалифицировать сочетания типа «под эгидой», «под руководством» и подобные. Так, с одной стороны, в концепции участников проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии» это «функциональные предлоги, или аналоги предлога» [Всеволодова].

С другой стороны, при подходах, альтернативных «предложному», эти единицы относятся к числу «отыменных релятивов» [Шереметьева] или «субстантивных оборотов, осложняющих предложение» [Овчинникова]. Однако все исследователи солидарны в том, что изучение подобных единиц должно вестись в двух направлениях: как в структурном (формально-синтаксическом), так и в семантическом аспекте. Последний связан с установлением *денотативной роли* синтаксемы, образуемой сочетаниями указанного типа.

Одной из наиболее продуктивных ролей, связанных с такими единицами, представляется **конфирматив** – «денотативная роль сирконстантного или ситуантного типа, выражающая отношение подчинения действию, влиянию доминирующего субъекта» [Конюшкевич: 399]. Конфирмативной семантикой объединены, по данным русского и белорусского языков, около 200 единиц, среди которых М. И. Конюшкевич выделяет 9 групп.

Мы полагаем, что таким образом проявляется реализация денотативной роли в ряде конкретных *функций*, за которыми в языке закрепились специфические средства маркирования. Для выявления этих функций целесообразно привлекать также данные иноструктурных языков, например, казахского, поскольку «способ обозначения ролей и степень конкретности и образности этого обозначения может варьироваться, но сами роли представляют собой языковые универсалии» [Доценко: 68].

В докладе представлены результаты сопоставительного анализа единиц, маркирующих синтаксемы с конфирмативной семантикой в русском языке, и их эквивалентов в казахском, таких как выделенные в следующих контекстах: *под сенью закона – заңның қорғауында; взять ветеранов под шефство – ардагерлерді қамқорлыққа алу; Геллердің басқаруымен оркестр және үш квартет жұмыс істейді. – Под управлением Геллера работают оркестр и 3 квартета; Мероприятие, проходящее под эгидой Всемирной организации интеллектуальной собственности. – Бүкіләлемдік зияткерлік меншік ұйымының қамқорлығымен өтетін шарасы* и т. д.

Литература

Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 17–59.

Доценко Е. А. Русские предлоги и их казахские эквиваленты // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 17 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк, 2008. С. 61–68.

Конюшкевич М. И. Предложно-падежные синтаксемы с конфирмативной семантикой // «Русский язык: исторические судьбы и современность»: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М, 2010. С. 398–399.

Овчинникова Е. В. Структурно-семантическое осложнение предложения посредством субстантивных оборотов в современном русском языке: Автореф. ... дис. канд. фил. наук: 10.02.01. М., 2008.

Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.

К проблеме объективации и субъективизации

Кузнецова Светлана Михайловна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Совокупность средств обнаружения точки зрения говорящего связана с понятием модуса. Модусом называют ту часть содержания высказывания, в которой представлен субъект сознания и речи с его отношением к сообщаемому. В одной из

своих работ Ш. Балли отмечал, что «логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол, а его субъект – модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум» [Балли: 44]. Каноническим представителем «модального» субъекта» является местоимение Я.

Синтаксическая категория лица (в модусной структуре) обнаруживает тяготение одних глагольных лексем к первому лицу, других – к третьему. Модусные предикаты в безличной форме очень часто «отдают предпочтение» первому лицу: при незанятой позиции субъекта подобные глаголы прочитываются через Я-модус; например, глагол *подумалось*: *И припомнились другие вечера, и хорошо и грустно сделалось, и подумалось о чем-то главном в жизни, но так, что не скажешь, что же есть это главное* (В. Шукшин).

Н.Д. Арутюнова, обсуждая различия между глаголами *считается* и *думается*, говорит об «объективации», применительно к первому глаголу, в отличие от второго, который «употребляется только в отнесенности к лицу говорящего» [Арутюнова: 109]. Отсутствие показателя субъекта интерпретируется Н.Д. Арутюновой либо в связи с говорящим, либо «в значении солидарности с адресатом»; наличие субъектного показателя (*ему показалось, мне не верится*) квалифицируется как «субъективизация модуса» [Там же: 110].

Специфика Я модусного субъекта состоит в том, что в диктальной части предложения оно не должно быть выражено: субъект остается «за кадром», его наличие само собой разумеется [Падучева: 67]. Это, в терминологии Н.К. О니пенко, эгоцентрическая грамматическая техника обнаружения говорящего (автора).

Механизм «объективации / субъективизации» работает не только на модальных предикатах *считается* и *думается*. Очевидно, что такое «тяготение» определяется не только семантикой корня слова (принадлежность к определенному типу модуса, акциональность / неакциональность), но и рядом других причин (например, семантикой морфологической формы, в частности, безличной).

Например, глагол *помнится* при «нулевом» субъекте обычно прочитывается через первое лицо: *На шпигле поворачивался и скрипел флюгер (может быть, этого слышно не было, но помнится, что скрипел)* (И. Грекова). Модальный предикат *говорится*, наоборот, тяготеет к прочтению через третье лицо: *Неволить не буду, никаких преград. Как говорится, скатертью дорога...* (О. Павлов).

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Особенности функционирования дискурсивных слов *разве* и *неужели* (на материале текстов Н.В. Гоголя и А.П. Чехова)

Романова Татьяна Дмитриевна

Студентка Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Одним из основных средств выражения категории оценочности являются дискурсивные слова. Будучи неоднородными по своей категориальной принадлежности (частицы, наречия, вводные и модальные слова), они объединяются главным образом на основании функциональных критериев; дискурсивные слова связаны с понятием дискурса, отражающим, в отличие от понятия «текст», динамический характер речевой деятельности, текущую речевую действительность.

Задачей данной статьи является рассмотрение особенностей функционирования дискурсивных слов *разве* и *неужели* (на примере отдельных значений: «Да брось!» *разве* и «Невероятная истина» *неужели*). В определении значений дискурсивных слов мы опираемся на классификацию К. Киселёвой и Д. Пайара. [Дискурсивные слова...

1998] Материалом исследования являются тексты Н.В. Гоголя и А.П. Чехова (представленные на сайтах www.ruscorgpora.ru, www.feb-web.ru).

Сопоставляя многочисленные примеры, мы заметили, что говорящий, употребляя *разве*, уже занимает достаточно определённую позицию (либо утверждения, либо отрицания) по отношению к обсуждаемому явлению, о котором он уже что-то слышал. В случае со значением «Да брось!» речь идёт о позиции «отрицания» или «доказательства от противного». *Когда едете в Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что ж? разве я отказал когда?* (Н.В. Гоголь. *Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*). В данной ситуации говорящий точно уверен, что он не отказывал и обращается к собеседнику, желая, чтобы и он вспомнил то же самое.

Н.В. Гоголь достаточно часто использует это значение *разве*. И всегда — в диалогах, отражающих эмоциональность, спонтанность «живой речи» героев. Вопросительная частица приобретает здесь заметный оттенок риторического восклицания, так как от собеседника говорящий ожидает только одного ответа — согласия. *Взгляните на меня, взгляните пристальнее и скажите: разве я способна к тому, что вы думаете? (Невский проспект) Что ж, разве она кому-нибудь причинила зло или извела кого-нибудь? (Вий)* Иногда данное значение встречается и во «внутренних диалогах», когда герои рассуждают сами с собой — и себя же убеждают в необоснованности прошлых выводов. *Задумалась Параска, одна, сидя в хате <...>: Мачеха делает всё, что ей ни вздумается; разве и я не могу делать того, что мне вздумается? (Сорочинская ярмарка)*

Аналогичное употребление названного значения *разве* (в диалогах героев) находим в текстах А.П. Чехова. *Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолепных куплетистов, но разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? (Душечка) Ты сказал: вечной правде... Но разве людям доступна и нужна вечная правда, если нет вечной жизни? (Чёрный монах)*

Реже *разве* в данном значении используется во «внутренних диалогах». *Всё вздор, вздор, вздор... — бормотал я, спускаясь по лестнице. — Вздор <...> Разве за голодающих дадут мне звезду, что ли, или сделают меня директором департамента? (Жена)* Или в рассуждениях как бы со стороны, когда автор говорит за своего героя, описывая его переживания (от 3-го лица). *И уже томило сильное желание поделиться с кем-нибудь своими воспоминаниями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а вне дома — не с кем. Не с жильцами же и не в банке. И о чем говорить? Разве он любил тогда? Разве было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне? (Дама с собачкой)*

Значение «Невероятная истина» *неужели* близко к «Да брось!» *разве*; однако, используя *неужели*, говорящий даёт понять, что ему действительно неизвестна данная информация. Казалось бы, употребление *неужели* требует диалога: говорящий «готов при предоставлении соответствующей информации к любому решению» [Дискурсивные слова... 1998: 307], но только в случае, когда он останется удовлетворён приводимыми аргументами (иначе полученная информация будет расцениваться им по-прежнему как «невероятная»). Однако в текстах Н.В. Гоголя преимущественно встречается «внутренний диалог», при котором говорящий, сомневаясь в достоверности информации, адресует вопрос самому себе и у себя же требует доказательств противоположной точки зрения. *«Неужели это был сон?» — сказал он, взявши себя обеими руками за голову. (Портрет) Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? (Ночь перед Рождеством)*

Похожее употребление *неужели* находим и у А.П. Чехова. *Неужели это правда, — спрашивала она себя, — что скоро она будет писать в гостиной, а спать в спальне и обедать со скатертью? (Попрыгунья) Неужели, — думал он, — в последнюю неделю*

было так много выстрадано, передумано и сказано только для того, чтобы всё кончилось так нелепо и пошло! (Неприятность)

Однако А.П. Чехов использует больше вариантов употребления данного значения, чем Н.В. Гоголь. Это и диалоги героев (хотя встречаются они значительно реже «диалогов внутренних»): *Она — несокрушимая скала, ее с места не сдвинешь; но неужели, Володя, у нее не было другого выхода? (Володя большой и Володя маленький)* И рассуждения автора от лица героя: *Она молода, изящна, любит жизнь; она кончила в институте, выучилась говорить на трех языках, много читала, путешествовала с отцом, — но неужели все это только для того, чтобы в конце концов поселиться в глухой степной усадьбе и изо дня в день, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад и потом сидеть дома и слушать, как дышит дедушка? (В родном углу)*

Таким образом, и *разве*, и *неужели* содержат в своём значении сему полемичности, отчего употребляются преимущественно в диалоге — эксплицитном (что более характерно для *разве*) или имплицитном, «внутреннем» (характерном для *неужели*).

Литература

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М, 1998.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>

Фундаментальная электронная библиотека: <http://www.feb-web.ru/>

Тенденции развития русской падежной системы (на материале разговорной речи)

Сатюкова Дарья Николаевна

*Студентка Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия*

Категория падежа является одной из центральных для русской грамматики, так как в морфологии система падежей организует собой весь класс имен, а в синтаксисе — в значительной степени область словосочетаний и предложений. Традиционно в русском языке выделяются шесть падежей, самыми общими и основными значениями которых являются субъектное, объектное и определительное. Эта система падежей, разумеется, может быть дополнена «вторыми» родительным и предложным [Зализняк: 37], а также некоторыми другими падежными формами.

Однако в разговорной речи шестичленная падежная парадигма далеко не всегда реализуется в полном виде, так как большинство русских падежных окончаний в ед. ч. представляют собой гласные, которые подвергаются качественным и количественным изменениям и, не будучи подкрепленными на письме, перестают различаться. Высокую степень синкретизма ударных падежных флексий, свойственную русской разговорной речи, дополнительно усиливает и редукция флексий безударных [Воейкова: 168].

Таким образом, цель настоящей работы — на материале разговорной речи проследить тенденции развития русской падежной системы и выявить основные черты ее отличия от норм кодифицированного языка, закрепленных в грамматиках. В качестве материала для анализа использовались тексты устного подкорпуса Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка]. Отбор слов производился на основе Частотного словаря живой устной речи [Ляшевская, Шаров].

Предварительное исследование показало, что в большинстве случаев парадигма форм ед. ч. у имен существительных характеризуется значительно большим числом словоупотреблений, чем парадигма мн. ч. Исключение составляют лишь те лексемы, для которых типичным является употребление именно в форме мн. ч.: так, например,

существительное *сапог* в форме мн. ч. встречается в корпусе 330 раз, а в форме ед. ч. — только 95.

Показательно, что в разговорной речи необыкновенно частотными оказываются именительный и винительный падежи, на долю которых приходится от 40% до 90% всех употреблений данного существительного. Эта цифра свидетельствует о том, что область функционирования этих падежей в устной речи значительно шире, чем в письменном языке. В других косвенных падежах (кроме винительного) имя существительное в русском языке употребляется значительно реже. Исключение составляют те слова, которые изолированно или в составе словосочетаний часто употребляются в определенной падежной форме. Так, частотной для существительного *детство* оказывается форма предложного падежа ед. ч. (в роли обстоятельственного детерминанта *в детстве*), для существительного *наука* — форма родительного падежа мн. ч. (в составе устойчивых сочетаний *кандидат наук, доктор наук, Академия наук* и др.).

Литература

Воейкова М. Д. Падежные противопоставления в русском языке: синтагматические связи в устной речи // Проблемы функциональной грамматики: категоризация семантики. СПб., 2008. С. 164–191.

Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики // <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>

Показатели смысловых отношений и лексические функции

Сенина Ирина Сергеевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

В рамках функционально-коммуникативной грамматики выделены несколько групп показателей смысловых отношений (ПСО) – реляторы, экспликаторы, классификаторы, особое место занимают родовые слова [Всеволодова: 39-47]. Основой для выделения этих единиц являются особенности их синтаксического поведения. Но четких критериев разграничения этих групп между собой и отделения их от смежных явлений пока не выработано. Интересные данные дало сопоставление функционального подхода с описанием лексических функций (ЛФ) в концепции МСШ. В центре внимания при этом были единицы классификационной природы, так как классификаторы – наш основной предмет исследования.

Среди группы субститутов Ю.Д.Апресян и его коллектив выделяют, вслед за И.А.Мельчуком, ЛФ GENER – «гиперонимы, преимущественно существительные и глаголы; ср. *ботаника* – наука, *красный* – цвет, *круглый* – форма, *шептать* – говорить» [Апресян, Цинман 2002: 108]. На основе данного субститута строятся три типа перифраз [Апресян, Цинман 2002: 127-128]:

- X = GENER(X) + A0(X): *газ* – газообразное вещество, *зависть* – завистливое чувство, *катастрофа* – катастрофическое событие;

- X = GENER(X) + ADV1(X): *бежать* – перемещаться бегом, *ворчать* – говорить ворчливо;

- X = GENER(X) + X: *желтое платье* – платье желтого цвета, *круглый стол* – стол круглой формы.

В более ранней работе встречаются еще и перифразы с GENER(X) и дериватом S₀(X): *графика* – искусство графики [Апресян 1995: 320], а также правило X = GENER_{mensur}(X) + (ANTI) MAGN (GENER_{mensur}) со следующими примерами: *Товары*

плохи – Качество товаров плохое <низкое>, *Высокий человек* – человек большого роста [Апресян 1995: 332], причем GENER_{mensur} – «существительное со значением шкалы свойства, обозначаемого исходным словом». Подобные случаи учтены в третьем типе вышеприведенных перифраз.

С функциональной точки зрения ЛФ GENER неоднородна. Она участвует в создании перифраз, по-разному соотносящихся с исходной единицей, не всегда выступая в качестве усложнителя семантической структуры высказывания, что является основным признаком ПСО, в том числе и классификаторов.

Отмечены в правилах преобразований случаи $X = OPER_i <FUNC_i, LABOR_{ij}> + S_{mod}(X)$, где в качестве S_{mod} выступают слова близкой к ЛФ GENER семантики – классификационные по отношению к признакам: *держаться прямо* – *иметь прямую осанку*, *идти шатаясь* – *идти неверной походкой*, *писать неразборчиво* – *писать неразборчивым почерком* [Апресян 1995: 326-327]. Ю.Д.Апресян интерпретирует такие слова как дериваты, в данном случае со значением способа действия, то есть как отдельную ЛФ другого, по сравнению с ЛФ GENER (субститутом), типа [Апресян, Цинман 2002: 107-109]: несмотря на близость значения к исходному слову, дериваты выполняют иную синтаксическую функцию. С точки зрения ПСО это разграничение можно обозначить как разделение классификаторов и экспликаторов, так как последние обладают большей семантической связанностью и грамматической неоднородностью.

Собственно классификационной семантикой отмечен и другой дериват: S_{comp} в преобразовании $X = S_{comp} + X$ – *быть в партии* – *быть в рядах партии*, *публиковать статью в журнале* – *публиковать статью на страницах журнала* [Апресян 1995: 330]. Данные слова близки к экспликаторам.

Выделим основные группы встретившихся перифраз:

I. Перифразы – узуальные обозначения, без семантического усложнения:

1. Перифразы с продуктивной словообразовательной моделью:

гречневая крупа / каша – гречка, *плетеное изделие* – плетенка, *командировочное удостоверение / поездка* – командировка, *драпировочная ткань* – драпировка, *зачетная книжка* – зачетка; *студенческий билет* – студенческий.

2. Перифразы с метонимией:

технические изделия – техника, *экспортные изделия / товары* на экспорт – экспорт, *пластиковые изделия* – пластик, *алкогольные напитки* – алкоголь, *средства гигиены* – гигиена.

II. Перифразы, представляющие собой семантически усложненный вариант сочетаний:

1. Перифразы с относительными прилагательными и экспликаторами:

Готическая архитектура – готика, *военные действия* – война, *машинописный текст* – машинопись, *лингвистическая наука* – лингвистика, *параллельная линия* – параллель.

2. Перифразы с Родительным падежом исходного слова и классификаторами:

Искусство графики – графика, *феномен религии* – религия, *понятие морали* – мораль, *случай гибели* – гибель, *чувство отчаяния* – отчаяние, *признак турбулентности* – турбулентность.

3. Перифразы с экспликатором - глаголом:

Говорить шепотом – шептать, *перемещаться бегом* – бежать, *воспринимать на слух* – слышать.

4. Разнообразные по форме перифразы, обозначающие признаки действий с экспликаторами:

Идти медленным шагом – идти медленно, *иметь ясный стиль* – писать ясно, *вести разгульный образ жизни* – жить разгульно.

5. Перифразы, уточняющие значение предлога с помощью экспликатора:

Входить в состав президиума – ходить в президиум, продвигаться в области высоких технологий – продвигаться в высоких технологиях, преуспевать в сфере бизнеса – преуспевать в бизнесе.

Эти перифразы необходимо отделять от тех структур, где классифицируется не предложная семантика, а ЛСВ существительного, употребленного с предлогом: *внести ясность в вопрос размежевания – внести ясность в размежевание, сказать в качестве утешения – сказать как утешение.*

Полученные данные позволяют отграничить ПСО от других средств создания синонимии, в частности на словообразовательном и собственно лексическом уровнях, а также попытаться отграничить классификаторы от некоторых типов экспликаторов.

Литература

Апресян Ю.Д. Глубинно-синтаксические преобразования // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. С. 316-345.

Апресян Ю.Д., Цинман Л.Л. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // *Русский язык в научном освещении.* 2002. №4. С. 102-146.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Перлокутивная функция обращения при построении коммуникативного коридора

Суконкина Мария Александровна

Студентка Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва,

Саранск, Россия

В рамках антропоцентрической научной парадигмы значительное внимание уделяется описанию функционирования языка с точки зрения его прагматической интерпретации. При рассмотрении обращения как компонента коммуникативного акта ведущая роль признается за прагматическим аспектом. Вербализуя обращение, говорящий стремится не только привлечь внимание слушающего, но и передать свое отношение, создать определенную тональность общения, вызвав у слушающего определенные реакции, нередко эмоциональные, и тем самым добиться цели.

Прагматический подход к исследованию позволяет рассматривать обращение как речевой акт, способный выполнять определенный набор функций самостоятельно или во взаимодействии с различными высказываниями.

Процесс коммуникации организуется совместными согласованными действиями адресанта и адресата. Условия проведения успешного речевого действия напрямую связаны с реализацией намерения говорящего придать сообщению ту или иную иллокутивную силу. В связи с этим обращение как речевой акт, выполняющий прежде всего функцию адресации в составе целостного коммуникативного акта, в то же время используется и с целью способствовать определенному воздействию на волю и поведение адресата, тем самым выполняя перлокутивную функцию. Обращение, «...являясь принадлежностью эмоционально-волевого языка, близко к императиву, в речи появляется чаще всего совместно с ним» [Лингвист. энцикл. словарь: 340].

Целью данного исследования является проанализировать возможности стратегического использования говорящим обращения, направленного на достижение перлокутивного эффекта при построении коммуникативного коридора. Фактическим материалом для анализа послужили разные типы побудительных коммуникативных актов, наиболее наглядно отражающих ситуации взаимодействия участников коммуникации, выбранные из произведений Т. Устиновой, максимально насыщенных ситуациями естественного речевого общения.

С. Петкова отмечает: «Заявляя при помощи обращения о своем желании использовать тот или иной тип “коммуникативного коридора”, адресант призывает адресата к совместному осуществлению речевой интеракции на базе уже выработанного и утвердившегося в данном лингвокультурном социуме сценария» [Петкова: 33]. Так, на материале русского языка регулярно выявляются ситуации, когда коммуникативные ходы участника общения содержат смену обращений от фамильярно дружеского наименования к нейтральному (краткому или полному варианту) имени, к полному имени, включая отчество, к обращению только по фамилии, к оценочным обращениям, без указания на имя адресата и др. Подобная смена обусловлена, как правило, прагматическими факторами, в частности сменой регистров общения с неофициального на официальное, переходом от кооперативного к конфликтному (или наоборот). Рассмотрим конкретный пример:

– Мама! – закричала Катерина. – Мама, откуда они знают... Мама!! <...> – Катюш, они звонят каждый день. <...> – Зачем ты им рассказываешь, что со мной? – Катя, Катя, остановись. <...> Никто никому ничего не рассказывает. <...> – Я не вернусь, – закричала Катерина, – я не смогу жить с таким камнем на шее! – Что ты знаешь о камнях на шее, девчонка! – вдруг оборвала ее Марья Дмитриевна. <...> – Мамочка, я не могла это вынести... – взмолилась Катерина. <...> У него было такое ужасное лицо... <...> Тогда скажи мне, дорогая, какое у тебя будет лицо, если ты вдруг совершенно точно про него узнаешь, что он задушил свою бабушку? Катерина вдруг против воли засмеялась. <...> Хватит жалеть себя, Катя. Жизнь не кончается сегодня [Устинова: 304-306].

Цель данного коммуникативного акта – изменить в первую очередь эмоциональное состояние адресата, посредством чего способствовать принятию им верного решения. Обращение Катюша со стороны мамы сигнализирует о настрое на кооперативное общение и направлено на снижение степени эмоционального накала предшествующего речевого действия адресата (Мама!!). Повторное нейтральное обращение Катя, Катя демонстрирует смену тональности общения на более категоричную, решительность адресанта и придает увещательный оттенок. Обращение девчонка совместно с реализацией соответствующих фонационных характеристик (оборвала) нацелено на эффект неожиданности, что свидетельствует о введении элементов конфликтного общения, призванных отрезвить адресата и переместить фокус его внимания с оценки собственного положения на активные способы решения проблемы. Понимая, что тактика оказалась нерезультативной, адресант меняет ее, используя обращение дорогая, правда, со смешанными оттенками расположения и иронии, снисходительности, что объясняется заранее прогнозируемой реакцией адресата. Композиционно кольцевое (посредством обращения Катя) завершение коммуникативного акта демонстрирует достижение перлокутивного эффекта, что подтверждается переводом скрытой интенции побуждения утешить и склонить собеседника пересмотреть его точку зрения в эксплицитный план (хватит себя жалеть), очередной сменой тональности общения с несерьезной, эмоционально-восстанавливающей на нейтральную, ориентирующую на практические действия.

Таким образом, языковой опыт участников общения, их коммуникативная компетенция помогают правильно расшифровать заключенный в обращении интенциональный компонент. Учет прагматических факторов свидетельствует о том, что говорящий при помощи обращения стремится не столько указать на индивидуальные характеристики адресата, сколько сформировать или обозначить тип отношений (коммуникативный коридор), на основе которых, по мнению говорящего, должно строиться речевое взаимодействие в аспекте решения перлокутивной задачи.

Литература

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М, 1990.

Петкова С. Обращение как средство речевого воздействия на адресата // Болгарская русистика. 2005. № 3–4. С. 26–34.
Устинова Т. Ангел пролетел. М., 2009.

Местоимение-предикатив в современном русском языке

Топорков Пётр Евгеньевич

Аспирант Калужского государственного университета им. К.Э.Циолковского, Калуга,
Россия

Объектом нашего исследования является класс слов, получивший в науке в последнее время название местоимений-предикативов (в частности, он выделяется в Национальном корпусе русского языка; в некоторых публикациях при изучении слов данного класса используется термин «местоименные предикаты», см. [Гард], [Соколова] и др.). Мы проанализировали местоимения-предикативы, функционирующие в качестве именной части сказуемого двусоставного предложения. В статье рассмотрены отдельные формы местоимений, формы, включенные в структуру предложно-падежных конструкций, а также фразеологизованные сочетания на базе местоимений.

Рассматриваемые местоимения нами типизированы следующим образом:

I. В соответствии с формальными признаками:

- а) падежные формы местоимений (*того*);
- б) предложно-падежные формы местоимений (*по мне*);
- в) фразеологизованные сочетания (*не Бог весть кто*);
- г) неизменяемые местоимения (*никуда*).

II. В соответствии с семантическими разрядами:

1. На основе личных местоимений: *при мне/нас/тебе/вас/нём/ней/них, по мне, на ты, между нами*;
2. На основе вопросительно-относительных местоимений: *каков* (+ соотносимое с ним указательное *таков*); *ни в какую*;
3. На основе указательных местоимений: *то, самое то, ни то ни сё, не без того/этого, туда-сюда, так-сяк, того, это, это самое, экой*;
4. На основе возвратного местоимения себя: *не в себе, у себя, при себе, сам по себе, весь из себя, вне себя*;
5. На основе неопределённых местоимений: *нечто, кое-что, что-то*;
6. На основе отрицательных местоимений: *ничто, никто, ни к чему, ни о чём, ничего*;
7. На основе определительного местоимения *всё* (в разных значениях);

В соответствии с семантикой:

1. **Состояние**

- а) психическое состояние: *не в себе, вне себя*;
- б) посессивное: *при себе/ тебе/ нём*. Подлежащее в предложениях с данными предикативами выражает семантику посессива, при этом актант выражен субъектным детерминантом. Накладывается ограничение на семантику актанта: он может быть выражен только одушевлённым существительным, а грамматический субъект – неодушевлённым. В других случаях происходит утрата посессивной семантики.

Ср.: Нашли человека, *при нём* были деньги – Деньги *при тебе*? (= ты располагаешь деньгами?).

Проблема выбора предикатива *при мне/ тебе/ нём* обусловлена не различием в лексической семантике, а в том, кого из актантов ситуации характеризует данный предикатив. В силу этого можно утверждать, что местоименная семантика не полностью вытеснена лексической.

2. **Модальные значения.** Н. Д. Арутюнова [Арутюнова: 109] выделяла среди модусов такие виды, как модус общей аксиологической оценки, модус эмоционального состояния и отношения, модус желания и волеизъявления. В рассматриваемых местоимениях-предикативах может сочетаться несколько модусов, напр. Он *ни в какую* = мне хочется, чтобы он стал делать что-то + плохо, что он не делает что-то (модус желательности + модус общей оценки).

Также выделим следующие модальные значения:

- исчерпанности субъекта *весь, вся*

- исчерпанности действия *всё*

- отношения-причастности: *ни при чём*

- соответствия объективной норме, стандарту:

а) негативная оценка *весь из себя*

б) частично негативная оценка *так-сяк*

в) частично позитивная оценка *кое-что*

г) позитивная оценка *самое то*

- модальные значения отношения к субъективной норме, требованиям: *по мне*

- модальная оценка, связанная с потребностью: *ни к чему*

- модальные эмотивные значения (знак оценки определяется контекстом): *что-то, нечто*.

- модальное значение согласия: *я ничего*. Сказуемые с этим предикативом возможны только со значением наст. вр. в предложениях, являющихся репликами в диалоге.

Ср. в живой речи: - А я что, я *ничего* //

- модальное значение отношения: *на ты, на Вы*.

В целом, местоимения-предикативы представляет собой относительно малочисленный и мало пополняемый класс слов (с той оговоркой, что в последнее время возник предикатив *ни о чём*), внутри которого может наблюдаться полисемия и синонимия. Так, полисемичными являются предикативы *весь, ничего, того*; синонимия свойственна предикативам с оценочной семантикой: *так-сяк, туда-сюда, ничего* и др. При этом достаточно серьезной проблемой является семантическая классификация – в силу того, что спектр выражаемых значений крайне широк; каждое из местоимений-предикативов может соотноситься с целой группой слов других частей речи, а также с предикативами на базе других частей речи (ср. *того – чокнутый, с прибабахом, с кукушкой* и т.п.).

Литература

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. М., 1988.

Гард П. Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.

Соколова С.В. Об одном случае лексикализации в системе русских местоименных слов // Известия Уральского государственного университета. № 55 (2008). Гуманитарные науки. Выпуск 15. Филология. С. 42–22.

Полнота знаний как критерий оценки осуществимости желания говорящим

Хищенко Мария Алексеевна

Студентка Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Согласно «Русской грамматике» под редакцией Н.Ю. Шведовой [Русская грамматика: §1926-1936] «форма желательного наклонения означает отвлеченную устремленность к какой-то действительности, причем эта действительность может мыслиться как неопределенно отнесенная и в будущее, и в настоящее (осуществление возможно), и в прошлое (осуществление невозможно)». Как нам кажется,

разграничение желаний по возможности/невозможности осуществления по соотносительности с тем или иным временным планом не вполне корректно.

Так значение собственно желания и желания как утверждения целесообразного и позитивного в «Русской грамматике» связывается только с будущим временем и возможностью реализации после момента говорения.

Однако данные частные значения желательного наклонения могут использоваться и для описания желательных событий в настоящем и прошлом. В предложениях «Хорошо бы он уже забрал документы из банка!» и «Хоть бы секретарь был на месте!» (логическое ударение на «хоть») описываемые желательные ситуации относятся к прошедшему и настоящему времени соответственно. Приведенные высказывания являются возможными, так как говорящий не знает, имело/имеет ли желаемое событие или ситуации место в действительности. Поэтому в основу дифференциации желания по признаку осуществимость/неосуществимость целесообразно было бы положить критерий знания/незнания или касательно дистантных во времени или пространстве событий критерий уверенности (веры). Разница между знанием и верой заключается в том, что знание всегда истинно, в то время как уверенность может быть объективно ошибочной.

Если субъекту становится достоверно известно о каком-либо событии, то это событие становится в сознании субъекта фактом. Желание факта невозможно, так как факты относятся к объективной реальности. А.А. Ивин считает, что «желать можно лишь тех вещей, которые отсутствуют, и невозможно желать то, что уже имеется». [цит. по Алтабаева: 40] Данный тезис был уточнен Е.А. Алтабаевой, которая отмечает, что при желании продолжения некой ситуации P надо иметь в виду, что продолжение P не есть P , P в t_1 и P в t_2 не тождественны, так как в t_2 субъект не обладает P . [Алтабаева: 40] Будущее время изначально ирреально, так как ни одно событие будущего не может считаться фактом.

Таким образом, желание может быть направлено на:

1. событие или состояние в будущем;
2. событие, о котором доподлинно неизвестно, свершилось оно или нет, или состояние, о котором неизвестно, имело ли оно место в прошлом;
3. на положение вещей, о котором доподлинно неизвестно, имеет ли оно место в настоящий момент;
4. на противоположность факта.

Данное членение в очередной раз подчеркивает роль говорящего. Наряду с выбором объекта желания, говорящий также определяет, является ли его желание осуществимым или неосуществимым в зависимости от степени познания им связей реального мира.

Вероятностная модальность субъективна, т.к. является, по сути, «степенью уверенности» или «уровнем доверия» индивида по отношению к событию. Так есть языки, в которых будущее выражается реальным или нереальным наклонением, в зависимости от оценки говорящим вероятности описываемой ситуации. (центральный помо (хабенапо))

В работе А.А.Кретьева "Невозможное в русском языке" показывается, что в русском языке семантика несоответствия содержания высказывания действительности не имеет морфологического выражения. «Категория невозможности - категория скрытой грамматики русского языка». [Кретьев: 123] Прежде всего, аномальные словосочетания отмечены автором в различных высказываниях, содержащих формы сослагательного наклонения.

В русском языке осуществимость/неосуществимость желательных высказываний не имеет грамматического выражения. Но, например, в чеченском языке выделяют нереально-желательное наклонение, которое служит для выражения

неосуществимого или трудноосуществимого желания, и условно-желательное, которое может выражать осуществимое желание. Формально это различие выражается в русском языке оптативными частицами, всегда в сочетании с определенной интонацией.

Так желание, направленное на противоположность факта, является неосуществимым и может выражаться частицами *если бы, когда бы, лучше бы, пусть бы*.

Степень осуществимости желаемого потенциального оценивается говорящим в зависимости от полноты его знаний и его убеждений. В этом плане частица *если бы* репрезентует практически неосуществимое или трудно осуществимое желание: «О, если бы застыть в саду пустынном фонтаном, деревом иль изваяньем!».

Частица *хоть бы* в значении именно желания, а не уступки «по крайней мере», частицы *лишь бы, только бы* в значении интенсивного желания, представляет желание возможного: «Хоть бы хлынули слезы горячей волною, — Я б желанной грозы их стыдиться не стал», «Перелом бедра или шейки. Только бы не шейки!». Когда некоторое событие считается возможным, то не исключается возможность противоположного события. Утверждение, что событие X и неX одинаково возможны, соответствует случаю полного незнания, когда событие X так же ожидаемо, что и противоположное ему событие. [Дюбуа, Прад: 18-19].

Если же желаемое событие скорее ожидаемо, чем нет, то данное значение выражается частицами *лишь бы* и *только бы* в значении желания необходимого и собою что-то обуславливающего. Сам факт того, что говорящий уже оценивает полезность последующего обуславливаемого события, говорит о том, что он считает, что желаемое скорее произойдет, чем нет. В этом случае, вероятность X можно расшифровать как «X должно произойти, но есть вероятность, что этого не произойдет».

Литература

- Алтабаева Е.В. Концептуальные основания и система организации категории оптативности в русском языке. Мичуринск, 2007
Дюбуа Д., Прад А. Теория возможностей М., 1990
Кретов А.А. Невозможное в русском языке // *Linguistica Silesiana* Vol. 15, Warszawa, 1993, с. 123-132.
Русская Грамматика, Том2 Синтаксис М.: Наука, 1980: <http://rusgram.narod.ru/>

Средства выражения реферативной эвиденциальности в медиатексте

Чепурная Алена Ивановна

Преподаватель Ставропольского государственного аграрного университета,
Ставрополь, Россия

Категория эвиденциальности является относительно новым понятием в лингвистике и может быть охарактеризована как «область рамочных значений, представляющих собой указание на источник информации: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на догадках (косвенная засвидетельствованность) или на собственном прошлом опыте (прямая засвидетельствованность)» [Козинцева: 92].

«Косвенная эвиденциальность констатируется для высказываний, в которых говорящий передает информацию со слов «третьих лиц» (реферативная, ренарративная эвиденциальность) либо сообщает итоги собственной ментальной деятельности: выводы, умозаключения, догадки и т.п. (инференциальная эвиденциальность)» [Балабаева: 24]. Таким образом, косвенная эвиденциальность подразделяется на реферативную и инференциальную.

В данной работе рассмотрены средства выражения реферативной косвенной эвиденциальности в публицистическом тексте, т.е. средства маркирования информации, полученной из «третьих рук».

Особый интерес к косвенной эвиденциальности в медиатексте обусловлен вопросом эпистемической ответственности автора: ссылаясь на внешний источник информации, он снимает с себя ответственность за сказанное. Ссылка на источник полученной информации может быть использована автором с двойной целью:

– как стремление к объективности, беспристрастности передачи информации, средство подтверждения правдивости сообщаемых сведений, особенно в случае ссылки на авторитетный источник;

– как попытка избежать ответственности за передаваемую информацию. В данном случае автор прибегает к средствам речевого манипулирования, ссылаясь зачастую на неопределенный, непроверяемый источник информации.

Среди средств, служащих для выражения эвиденциальности, Н.А. Козинцева выделяет средства морфологические и лексико-синтаксические [Козинцева: 96]. К морфологическим средствам она относит так называемое пересказывательное наклонение, характерное для грамматического строя некоторых языков (болгарский, албанский и др.) и имеющее своей функцией передачу косвенной речи. В русском языке подобное грамматическое явление отсутствует.

К лексико-синтаксическим средствам выражения реферативной эвиденциальности в русском языке могут быть отнесены:

1. Сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, подчиненным модусному глаголу: ***Говорят**, что новый вице-губернатор Роман Панов уже умудрился вызвать неприязнь не только у более старших и более опытных чиновников Челябинской области, но и существенным образом испортить настроение самому губернатору* [Новый регион 2, 2008.02.26].

2. Вводные обороты, выраженные модусным глаголом: *На одной из своих должностей в пору всеилия Чубайса, Починок решил – пускать или не пускать в оборот ту или иную новинку Монетного Двора. Выбракованные, **говорят**, пополняли его коллекцию* [Новый регион 2, 2008.03.12].

3. Вводные обороты с существительным, указывающие на косвенный источник информации: ***По словам** Бойко, Юлия Тимошенко проводит откровенно популистскую политику, поскольку понимает, что ее правительство вряд ли просуществует до следующего года* [Новый регион 2, 2008.03.14].

4. Деепричастные обороты: ***Цитируя источники** в разведке и министерстве обороны США, журналист «Нью-Йоркера» Сеймур Херш пишет, специальные группы воздушной разведки «уже составляют список целей» в Иране* [РИА Новости, 2006.04.09].

5. Частицы, восходящие к глаголам сообщения (*де, мол, якобы, дескать*): *Практически сразу после ареста адвокат Некрасова заявил, что дело его подзащитного инспирировано конкурентами, желающими перекроить рынок. Версию поддержали и некоторые участники рынка. **Мол**, арест владельца «Арбат Престиж», да еще с участием СОБРа, - давление с целью вынудить продать бизнес по «сходной цене»* [РИА Новости, 2008.02.12].

Кроме основного модального значения – передачи чужой речи – частицы *де, мол, якобы, дескать* выражают и субъективное отношение говорящего к истинности сообщаемого, а именно, недоверие к передаваемой информации. В этом случае уместно говорить о пересечении категории эвиденциальности и эпистемической модальности.

В заключение подведем краткие итоги. Русский язык не обладает специализированными морфологическими средствами выражения эвиденциальности, однако располагает целым рядом лексико-синтаксических средств ее реализации. В

структурном отношении исследуемая категория объединяет прямую и косвенную эвиденциальность. В публицистическом тексте особый интерес представляет косвенная эвиденциальность, поскольку она позволяет автору избежать юридической ответственности в случае диффамационного содержания текста.

Литература

Балабаева Ю.Е. Средства выражения категории эвиденциальности в немецком научном тексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 4. С. 20–38.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorgo.ru>

Синтаксические идиомы с уступительным значением

Юань Мяосюй

Аспирантка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Фразеологизированными называются «предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [Шведова: 382]. В предложениях фразеологизированной структуры, в отличие от свободных предложений, смысловое акцентирование достигается не только с помощью образных лексических элементов, но и с помощью особой структурной модели, которая является средством компрессии предикативного ядра. Эти конструкции возникли в спонтанной разговорной речи, и именно разговорная речь послужила базой их закрепления как системных языковых средств. Благодаря своей яркой экспрессивной и эмотивной окраске они широко используются в публицистических статьях и заметках. Фразеологизированные предложения выражают разнообразные семантические значения, в том числе и уступительные. Уступительные отношения в качестве одного из типов отношений обусловленности имеют семантически ситуативный характер и минимум две ситуативные структуры, поскольку одна ситуация не является достаточным основанием для того, чтобы отменить другую. Эти две взаимоисключающие ситуации сосуществуют в одном предложении, «отношения между ними представляются как соединительные» [Ляпон: 586].

Опираясь на классификацию семантики уступительных отношений Р.М. Теремовой, в зависимости от ситуаций, включенных во фразеологизированные уступительные предложения, мы выделяем четыре их типа: предложения с реально-уступительным значением, предложения с нейтрально-уступительным допущением, предложения с обобщенно-уступительным допущением и предложения с альтернативно-уступительным допущением.

Во фразеологизированных предложениях с реально-уступительным значением отражается реально препятствующее, но оказавшееся недейственным основание и совершающееся вопреки ему фактическое следствие; например: «*Нам надо **кровь из носу** создать высокотехнологичную экономику (Независимая, 31 мая 2010 г.)*. В этом предложении фразеологизм **кровь из носу**, выступая в функции обстоятельства, в наречной функции, значит «во что бы то ни стало».

Реально-уступительное значение также формирует фразеологизм **уж на что** с помощью противительного союза, в основе которого лежит структура сложносочиненного предложения. Здесь он трактуется так: «без всякого сомнения, совершенно определено»; например: *Так и в России – **уж на что** Москва всемогуща, а депутатский корпус партий власти...создавался и создается на тех же принципах (Независимая, 22 июня 2010 г.)*.

Особое место в поле реально-уступительного значения занимают фразеосхемы, организующие именную и глагольную разновидность предложений фразеологизированной структуры; например: **Настроение настроением, а мне нужно ехать к месту службы (раз.); Ничего не обещаю, но попытаться попытаюсь (раз.)**.

Во фразеологизированных предложениях с нейтрально-уступительным допущением события-уступки характеризуются признаком предположительности; например: **Ибо она неуязвима. Хоть кол на голове теши** (Ведомости, 29 июня 2010 г.).

Данное значение выражается также поговоркой, в основе которой структура сложноподчиненного предложения; например: **Старику от прозвища какая беда? Хоть горшком назови, только в печку не ставь** (П. Бажов, Малахитовая шкатулка).

Третье значение – обобщенно-уступительное допущение. Оно характеризуется гипотетичностью и выражается особенно часто структурами с частицей **ни**; например: **Как бы то ни было, в Китае принимаются решительные меры к чиновникам** (Независимая, 14 февраля 2011 г.). Сочетаниями **чего бы то ни стоило** и **хоть тресни** в качестве вводно-добавочного сообщения подчеркивается утверждаемое в событииследствии. Это утверждаемое усиливается также с помощью парцелляции данных сочетаний; например: **Президент в своем ближайшем окружении заявляет, что пойдет на выборы, чего бы это ему ни стоило** (Независимая, 23 ноября 2010 г.); **Я влюбляюсь в талантливых. Вот и все. Хоть тресни** (Комсомольская правда, 04 май 2005 г.).

Данное значение выражается также сочетаниями **во что бы то ни стало** и **хоть трава не расти**. Эти два идиомы выступают в наречной функции; например: **Он пообещал во что бы то ни стало «прекратить разбазаривание земель и имущества в Крыму»** (Независимая, 26 января 2011 г.); **Он на работе с девяти до пяти, после пяти хоть трава не расти** (Ведомости, 24 сентября 2007 г.).

Обобщенно-уступительное значение актуализируется также при помощи образных поговорок **хоть роди да подай** и **вынь да положь**, которые синонимичны сочетанию **во что бы то ни стало**.

Уступительным фразеологизированным конструкциям свойственно также значение альтернативно-уступительного допущения. Среди рассматриваемого материала данное значение выражается следующими двумя типами устойчивых выражений. Во-первых, сочетанием **хочешь не хочешь**. Оно выступая в наречной функции; например: **В армии хочешь не хочешь, а приходится избавляться от лени и комплексов, свойственных человеку в условиях современной цивилизации** (Независимая, 17 декабря 2010 г.). Во-вторых, сочетанием **так или иначе**. Это сочетание обычно встречается в начале конструкции и выступает в функции вводных слов. Ср.: **Так или иначе, он скрупулезно демонстрировал мне все недостатки своего жилища** (Деньги, № 23 от 2010 г.).

Исследование семантики данных предложений необходимо не только для глубокого понимания фразеологических единиц, но и для рекомендации использования разнообразных способов выражения уступительных отношений в переводческой практике.

Литература

- Ляпон М.В. Предложения, выражающие уступительные отношения // Русская грамматика. В 2-х т. Т.2.: Синтаксис. М., 1980. С. 586-594.
Шведова Н.Ю. Предложения фразеологизированной структуры // Русская грамматика. В 2-х т. Т.2.: Синтаксис. М., 1980. С. 382-386.